

Виктор Балдоржиев

Успей оглянуться!

Сибирь дорусская

16+

Виктор Балдоржиев

Успей оглянуться!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Балдоржиев В.

Успей оглянуться! / В. Балдоржиев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1813-3

Интересно, как жили в Сибири до прихода русских? Есть ли произведения на эту тему в русской литературе?.. Этот роман-эссе я набросал 20 лет тому назад в деревенской бане. За неделю. Другого места не было. Остаётся ли мысль актуальной сегодня? Мы все одной крови. На планете нет чистокровной нации. В жилах европейцев пульсирует кровь монголов и наоборот. Это не зависит от желания людей, но им снятся сны тысячелетий, и они рассказывают об этом... Пусть каждый человек и каждый народ успеет оглянуться и запомнить себя таким, каким был. Я очень хотел оглянуться и запомнить...

ISBN 978-5-5321-1813-3

© Балдоржиев В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Третий и остальные	6
Облава на братьев меньших	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Балдоржиев

Последние войны волков

роман-эссе

«...Под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании».

А. С. Пушкин.

Мы все одной крови. На планете нет чистокровной нации. В жилах европейцев пульсирует кровь монголов и наоборот. Это не зависит от желания людей, но им снятся сны тысячелетий и они рассказывают о них...

Третий и остальные

Перевернутый желтый клинок луны на середине реки вдруг закачался и задрожал, черная гладь воды мелко зарябила. Плеснула волна, фыркнула лошадь, на серебристой лунной дорожке показался плывущий, подталкиваемый течением, контур лошадиной головы, потом – еще, еще и еще.

Два десятка лазутчиков тумэтов переправились ночью через Онон и с первым рассветом двинулись в глубь Ара Халхи.¹ Один из воинов, блеснув в темноте булатными наплечниками, обернулся в сторону едва алеющего восхода и, приблизив сложенные чашечкой ладони к губам, издал протяжный волчий вой. Через мгновение из-за реки ему ответили таким же тоскующим воем. Тумэт что-то весело крикнул остальным и набегу лошади вскочил в седло...

В полдень пятеро хори-тумэтов вспугнули из березовой рощицы стайку косуль и азартно погнались по высокой траве к берегу реки. Люди были мускулисты и сухи, как стрелы из ветвей дикого персика, на лицах решительно темно-бронзового цвета сверкали веселые глаза. Первому стрела вонзилась в спину, и он, вскрикнув, повалился в траву, испуганная лошадь шарханулась и понеслась одиноко в степь. Второй оглянулся, и стрела со свистом пробила ему горло, опрокинув в бок. И сразу же из ближнего к рощице леса вылетели на конях проворные тумэты с обнаженными саблями и с диким визгом начали окружать оставшихся.

Двое молодых и узколиких, без кольчуг и островерхих малгай², были зарублены, не успев понять случившегося.

– Третьего взять живым! – хрипло закричал громадный старший тумэтов, отстегивая на быстром скаку от седла волосяной аркан. Но третий поднял на дыбы буйного гнедого, развернул и, пригнувшись, выпустил стрелу, убив летящего на него с копьем врага. Быстро воткнув лук в налучник, всадник вырвал из ножен саблю, бросил гнедого наметом на чужаков и, ворвавшись невредимым в самую их гущу, начал рубил направо и на лево. От крутящегося вихря невероятной силы и ожесточения повеяло ужасом! Старший тумэтов бросил аркан на траву.

Третий дрался страшнее дикого зверя. Трещали и ломались копыта, сверкали и звенели сабли, щиты, кольчуги, хрипели и падали зарубленные, дымилась кровь. Бешенный клубок из людей и коней кружил по степи, истоптались и окровавилась трава.

Третий зарубил шестерых. Рассвирепевшие ине ведающие страха смерти тумэты, вот-вот готовы были проткнуть всадника множеством копий, когда тот, жутко закричав, страшным ударом разрубил надвое старшего врагов. Хлестнула бешеной струей горячая живая кровь, вырвавшаяся из разгоряченной плоти, единое быстрое тело человека развалилась от плеча до бедра! Еще дымились и дергались на траве кровавые половины туши, еще шевелились губы, не досказавшие последнее проклятье, как один из чужаков закричал:

– Это Барас! Шолмос,³ он заговоренный!

Жестокий и огромный всадник оскалился и, рыча, снова ринулся на ошеломленных тумэтов, и никогда не отступавшие войны повернули коней. Кричавший замешкался, встретившись взглядом с хори-тумэтов и не успел развернуть саврасого коня. На всем скаку всадник отсек ему голову. Тяжело и хрипло дыша, рыча и оскаливаясь, он быстро оглядывал место сечи, потом увидел мчавшихся тумэтов, кони которых поднимали тающее облачко пыли за сопкой.

Третий остался жив! Это был высокий мужчина с длинными и мускулистыми руками, его мощная грудь, обтянутая чешуйчатой кольчугой, вздымалась и опускалась. Бросив саблю

¹ Ара Халха – территория Забайкалья.

² Малгай – шапка из шкуры животного.

³ Барас – барс. Шолмос – оборотень.

в ножны, он снял шлем из толстой бычьей кожи, обложенный железными пластинами и вытер ладонью с побуревшего лица грязный пот. Голова его были обрита, длинная черная коса плетью свисала на спину. Всадник слез с коня и перевернул ногой окровавленную голову в смятой рыжей траве, смотревшую застывшими глазами на белые облака в голубом небе.

– Ты оказался собакой, а не волком, Мунко, – прошептал жестокий всадник и, подняв мертвую голову бросил в кожаный тулум,⁴ притороченный к задней луке седла.

Вздыхнув, он уже тяжел взобрался на взмыленного гнедого.

Летнее солнце опустилось за голубеющее в дымке тумана гору, когда всадник услышал лай собак. Запахло сухим навозом – аргалом. Курень,⁵ где он жил, расположился на зеленом берегу белого озера, за которым начинались горы и тайга. Юрты образовывали широкий круг, сужавшийся спиралью. В центре стояла большая белая юрта, у входа которой стоял стражник.

Повсюду чадили дымокуры, женщины доили коров и кобылиц, бляели овцы и ягнята, ржали лошади, в сизом тумане проступали их смиренные контуры. Всадник проехал наружный круг куреня, быстро слез с коня, бросил поводья подбежавшему мальчишке и направился к большой юрте.

– Бабжи, где остальные? – спросил низкорослый кривоногий воин, стоявший с копьем наперевес у входа.

– Убиты! – вздохнул Бабжи-Барас, отстегивая от широкого ремня с яркой серебряной бляхой колчан и саблю. Положив оружие у входа, он отстранил изумленно раскрывшего рот низкорослого и вошел в юрту. К воину подбежал мальчишка, что-то спросила проходившая мимо женщина. Вскоре в курене поднялся переполох.

– Он хори-тумэт? – спросила высокая стройная женщина в собольей шапке и синем летнем тэрлике-халате, когда Бабжи-Барас бросил к ее ногам мертвую голову. Бронзоволицая и румяная женщина внимательно смотрела на воина раскосыми черными глазами.

– Да, хатан.⁶ Ему надо было родиться китайцем, но, к сожалению, он хори-тумэт, – глухо ответил Бабжи-Барас. – Мы служили с ним у тумэтов, вместе были в семи походах. Два раза я спасал ему жизнь, а на третий – отнял.

Высоко вскинул женщина густые черные брови.

– Ты служил у тумэтов, Барас?

– Да, хатан, когда вы были еще девочкой в Хухэ Хото. Я был десятником харула⁷ пока наши не сказали, что уходят за Онон вместе с вами.

– Я не спрашиваю тебя, кем я была в Хухэ Хото!.. Неужели уляты или гунэ осмелились напасть на наших воинов?

– Нет, хатан! Хамниганы⁸ ушли в свои леса. Довольно мы их положили около Нэршу-гола.

– Кто это были? Баргуты, чахары, солонгуты? – Женщина снова села на олбоки⁹ и задумалась.

– Это были лазутчики тумэтов, хатан. Мунко служил у них, – Бабжи-Барас взглядом показал на мертвую голову.

– Можешь идти, – устало сказала княгиня. Бабжи-Барас поклонился, положил голову Мунко в тулум и вышел.

⁴ Тулум – кожаный мешок.

⁵ Курень – стойбище средневековых монголов, чаще всего по родам.

⁶ Хатан – княгиня.

⁷ Хухэ Хото – столица тумэтского Алтан-хана, ныне – центр Внутренней Монголии в Китае. Харул – караул. Караул – производное от харул.

⁸ Хамниганы – тунгусы, эвенки. Уляты, гунэ – племена хамниганов, жившие вдоль рек Нерча (Нэршу-гол), Борзя, Ага, Онон, Шилка... Хори-тумэты вытеснили хамниганов из их кочевий. Часть хамниганы обурятались, позже – обрусели.

⁹ Олбоки – подушки, тюфяки для сидений.

Откуда здесь будут хамниганы? Хатан все еще боится. Возле Нэршу-гола было много улятских воинов, а на Ононе их встретили стрелы гунэ. Хори-тумэтов собрали своих воинов. Это было трудно сделать: многие укочевали до Хори и Байкала, говорили, что их люди перекочевали на остров Ойхон. Но Бабжи-Барас повел свой отряд на хамнигшанов. Была страшная сеча! Хори-тумэты зарубили и перестреляли несколько сотен хамниганов. До сих пор люди подъезжают к пади Умэхэй, где разлагаются трупы хамниган и хори-тумэтов.

Покончили с хамниганами, снова стали нападать баргуты, чахары, приблизились солонгуты, и вот – тумэты... Мужчинам не стоило бы ссориться из-за баб. Княгиня повздорила с младшей свекровкой, порвала с мужем, за ней гонятся воины Мажи хана, нанятые свекром княгини, солонгутским ханом. Солонгуты враждуют с тумэтами ее отцам. А тумэты доходят до Онона и нападают на хори-тумэтов, хори-тумэты ходят в набеги на баргутов и чахаров.

Большая стая распалась!

Бабжи-Барас сидел в юрте и пил суп-шулю из деревянной пиалы, искусной оправленной серебром. В открытом круглом своде голубело небо, на улице раздавались голоса детей и женщин... Тумэт, которого он разрубил, был без кольчуги. Матерый волк, думал, думал, что так легко взять пятерых воинов. У них были добрые кони, если бы хори-тумэтов было больше, можно было захватить всех. Людей бы они зарубили, а коней и оружие взяли себе. Их же было всего два десятка, а в курене сотни воинов. Стая должна быть большой и сильной!

Они жили своим айлом-семейством в десять юрт. Бабжи-Барасу было одиннадцать лет, когда на айл налетела сотня воинов. Они сожгли юрты, перебили всех мужчин, угнали женщин и скот. Бабжа-Барас и его младшие братья, Хонтоли и Тантяна, спрятались под старую кошму и видели, как разбойники отсекали головы связанным мужчинам. Один взмах – и человек без головы. Так легко!

Потом братьев взяли в большой курень родственники. Бабжи-Барас стал пастухом, в пятнадцать лет он был табунщиком и умирал диких коней. Тогда он почувствовал, что он сильнее своих сверстников. Его полюбил старый шаман куреня Бургэт.

–Ты будешь необыкновенным человеком! – ястреболикий старик, на смуглом его лице с крючковатым носом горели острые, как полыхающая сера, глаза. – В тебе живет дух большого ээна.¹⁰

Много дней шаман учил Бараса стрелять из взрослого лука. А когда его взяли на службу в тумэтский харул, шаман дал ему крепкий лук с роговыми накладками, саблю и кольчугу.

Он никогда не думал о смерти. Его убьют, если он не убьет. И Бабжи-Барас безжалостно отсекал руки и головы, мог увернуться от стрел с четырех сторон и пустить за это время сам четыре стрелы и попасть. О нем стали говорить, что он заговоренный, что его заговорил шаман... Вихрем, с ревом и визгом, сотрясая конями степь, они налетали на айлы и курени, как и отряды других куреней и удельных князьков. Сколько было крови и плача! Окружить, обложить, перебить мужчин, забрать пожитки и добро, угнать женщин и скот – вот основная цель. Чтобы желудок не был пустым, убей другого и насыться! Десять лет они с Мунко служили у тумэтов, стали андами.¹¹ Мунко был своим, но не предал... Никогда не предавай своих! За это – смерть. Всякая обида и смерть должна быть отплачены, а тот, кто не сдержал слово – не человек.

Своими были хори-тумэты. И когда старейшины родов Бальжин-хатан решили уходить за Онон, Бабжи-Барас примкнул к своим. Человеку может быть хорошо только со своими! Он был с воинами, которые прикрывали отходы от самой Халхи. Теперь хори-тумэтам придется

¹⁰ Эээн – хозяин, владыка, дух сильной личности. Шаманисты верят, что эээны есть везде, все в мире имеет своего хозяина.

¹¹ Анда – названный брат.

плохо, не с кем торговать и обмениваться, все меньше оружия, нет железа и кузниц, одежда изнасилась. Надо идти в набег, за Онон, в Халху. Воинов еще много...

Послышались шаги, голоса Хонтоли и Тантяны. Братья со своими людьми приехали.

– Ахэ¹², мы привезли тела всех наших и оружие тумэтов, которых вы порубили. Нашли и поймали шесть коней, – поздоровавшись сказал крепкий и большеголовый увалень Хонтоли. Братья сняли с ремней оружие и прислонили по обе сотроны юрты. У них были обветренные коричневые лица и зеленоватые рысьи глаза.

– Подбросьте в очаг аргал, – приказал Бабжи-Барас.

– Ахэ, теперь вы начальник войск всех куреней. Хатан велела назвать вас батаром,¹³ – радостно проговорил младший Тантяна, высокий с девичьими чертами лица, парень. Все подсади к короткононому столику, поджав под себя ноги, и насыщались мясом из тэбшэ, темно-желтого корыта из березы. Если долго и основательно, обгрызали добела и обсасывали все кости. Наконец, Бабжи-Барас отложил в сторону нож, вытер руки о сапоги-гутулы и помял большими темными руками голову, стряхивая оцепенение.

– Отберите три сотни воинов, – проговорил он задумчиво. – Хамниганы больше к нам не сунутся. Мы пройдемся по айлам и куреням баргутов. Нам надо много коней, скота и оружия. Мы давно оторвались от ханов, не можем торговать с китайцами, нам скоро нечем будет прикрыть наготу... А до Байкала далеко...

Он оглядел братьев, затягивающих ремни тяжелых панцирей из бычьей кожи, и вздохнул.

– Идите.

Братья переглянулись и, взяв оружие, вышли.

Хонтоли с Тантяной будут правым и левым крылом большой стаи. В центре всегда будет он – Бабжи-Барас батар.

Десять уставших тумэт остановили взмыленных коней на берегу Онона, в густых зарослях тальника. Двое по дороге умерли от ран, у него отрублена кисть руки, и он истек кровью, проклиная Заговоренного Бараса.

– Старики рассказывают, что во времена Чингисхана никогда не бросали убитых и раненных. Хорошее было время. А теперь? – недовольно промолвил старый воин, снимая наплечники и кольчугу и блаженно растирая мышцы. Тело разбойника было испещрено шрамами и рубцами и от того казалось рябым.

– Когда это было, Дошхон-ахэ! – отмахнулся один из тумэтов и стал доставать из тулумов борсу¹⁴ и протягивать остальным.

– Было, было... Что нам борса, – ворчал старый разбойник. – Я чуял запах дыма. Тут недалеко должен быть новый айл. Надо бы там пожить. Эй, Бэрхэ, когда отдохнут кони, поедешь со мной на запах. Надо высмотреть. Не нарваться бы на Заговоренного...

Перед рассветом тумэты обложили с четырех сторон одинокий в степи айл и с первыми лучами солнца ринулись с копьями на перевес к юртам. На лай собак и крик женщин выскочили восемь мужчин и сразу были зарублены и заколоты. Двое тумэтов бросили веревки с железными крючьями и с треском свалили юрту.

– Не надо, болваны! – закричали остальные, добивавшие подростка с луком. Трое тащили за волосы обезумевших и вопивших женщин, успевая срывать с них серьги и браслеты. Солнце поднялось над сопкой и залило все вокруг золотым сиянием.

– Поджигай! – заорал в суматохе старый разбойник.

¹² Ахэ – обращение к старшему, (здесь) старший брат.

¹³ Батыр – богатырь

¹⁴ Борса – нарезанное повдоль сушенное мясо.

– Что делать с людьми, Дошхон-ахэ? -спросил еще юнный белолицый воин. Он нашел где-то большой жба с кумысом и время от времени отпивал, морщась и смотря на зачадившие юрты и ласковое утреннее солнце. Длинные вывернутые девичьи ресницы юноши удивительно подрагивали.

– Кончайте всех! – распорядился меднолицый старый разбойник. – Кончайте пока не прискакал Заговоренный со своими людьми. Гоните скот к Онону! Быстрее!

Молодой воин вскочил на коня и помчался собирать разбежавшихся коров и лошадей, заворачивать их в круг и сбивать в ошалелую кучу. Пламя над айлом загудело и вырвалось высоко в небо, затрещали и рухнули юрты. В дымном тумане тумэты, торопясь, набивали тулумы утварью, одеждой, серебряными и золотыми украшениями, приторачивали к седлам луки и колчаны убитых мужчин.

– Нечем поживиться. Бедные люди! – ворчал сутулый тумэт.

– Молчи! Скота нам хватит, одежды тоже, – бормотал Дошхон. – Хори-тумэты побили хамниган и решили, что можно кочевать айлами.

Дым окутал телеги, где сучились и завывали в предсмертной тоске женщины, плакали дети. Разбойники вскочили на коней и закружили вокруг телег, рубя людей саблями и закалывая острыми копьями.

В сумерках тумэты пригнали к Онону несколько косяков лошадей, коров и быков, взмыленный скот шумно вошел в реку, вода вспенилась. Разбойники стали спешно переправляться.

– Зачем нам возвращаться в Хухэ Хото? Не лучше ли остаться здесь! – прокричал, улыбаясь остальным, старый Дошхон.

С той стороны послышался заунывный волчий вой.

Облава на братьев меньших

Трава в степи начинала увядать и желтеть.

Поредевший отряд хори-тумэтов вышел из соснового бора к берегу Онона. У каждого третьего было по два лука. Впереди воины Тантяны погнали угнанный скот, было много мохнатых низкорослых лошадей, черных безрогих коров. Над степью поднималась пыль. Отстав на три харана¹⁵ от остальных, на опушке бора остановилась сотня Хонтоли, чтобы прикрыть переправу.

На берегу стало шумно и людно. Позванивало оружие, кольчуги воины хохотали, плескались водой, умываясь. Мелькали обнаженные литые станы и плечи, медь и бронза мускулистых тел была покрыта коричневым загаром. Но вот скот, гонимый людьми, вошел в холодную воду и, отфыркиваясь и высоко поднимая головы, поплыл наискось к противоположному берегу, где гарцевали встречавшие всадники. Бабжи-Барас сидел на валуне, сняв железный шлем, на сердце военачальника было было смутно.

Люди, живущие на левобережье, говорили, что хан отправил большое войско, чтобы прекратить грабежи и разбои. Но это невозможно!.. Солонгуты, тумэты, торгуты, баргуты, дурбэты, чахары и другие разбойничают, но они также торгуют с китайцами и сартаулами.¹⁶ К ним иногда приходят караваны купцов, а сами они ходят в Калган, Сюньфу и Тибет, привозят железо, котлы, ножи, материи, у них много кузниц, и они куют оружие у железных копей на¹⁷ Ургэне, там есть серебро. А хори-тумэтам никуда нет хода, хори-тумэты оторваны от мира! Может быть, надо откочевать дальше, байкальским бурятам, в Баргузин? Там есть железо, кузницы, у них бывают купцы с товарами. Но хатан молчит! Совсем недавно хори-тумэты были поданными хана, собака сорвавшаяся с цепи, может натворить не мало бед!

В этом набеге они потеряли много людей, хотя и поживились неплохо. Сколько потеряют еще? Надолго ли хватит добычи? Как жить дальше? Бальжи-хатан не желает мириться с тумэтами и солонгутами. А они вот-вот объединятся в огромную стаю и придут сюда, обложат хори-тумэта и хамнигана не останется тогда на земле!

– Баир! – позвал он совсем молодого и стройного сотника. – Ты знаешь, кто главный хозяин воды?

– Эзэн воды – святой Усан Лопсон! – быстро откликнулся сотник, встав перед грузным Бабжи-Барасом.

– Умилостивьте его и ээна Онона, – сказал военачальник, задумчиво смотря на переправлявшихся воинов и дальние синие горы.

Пока Бабжи-Барас грабил на этом берегу, в айлах хори-тумэтов успели похозяйничать стаи других волков. Воины гнали угнанный скот и по пути видели там и тут сожженные юрты и убитых людей. Волки и одичавшие собаки пожирали трупы. Желтеющая степь была испятнана кровью и черной гарью. Дули холодные ветры и начинались долгие осенние дожди.

Но почему-то хан оставил в покое хори-тумэтов и тумэн¹⁸ так и не переправился за остывшую реку. Не рыскали и лазутчики большой стаи. Было тихо. К осени Бальжин-хатан повелела всем айлам объединиться в курени, хотя уляты и гунэ ушли в леса и не нападали, а иные даже

¹⁵ Харан – видимость, расстояние равное примерно мили.

¹⁶ Сартаулы – мусульмане.

¹⁷ Ургэн – Аргунь.

¹⁸ Тумэн – десять тысяч, дивизия.

жили поблизости с хори-тумэтами. Всадники-гонцы рассыпались по степи исполнять повеление хатан.

Выпал первый, обильный и опьяняющий, снег.

– Начнем охоту! – радостно сообщил братьям Бабжи-Барас, – хатан велела заготовить на зиму много дичи. Соберити людей по родам. Пойдем за Каменные Высоты, в шести харанах от куреня есть хорошие места. Назначайте и отпровляйте людей – тобши, газарши и остальных...¹⁹

Шумно стало в курене и за куренем, вокруг выстроились походные юрты, собралось много народа. С неба сыпал мягкий, убаюкивающий, снег, скакали и перекликались охотники в меховых шубах и малахаях. Повсюду готовили стрелы и оперения, грозные ножеобразные наконечники, точили ножи и сабли. Женщины суетились в большой юрте-уленши,²⁰ вышивали, шили, перебирали старые шкуры, продымливали на улице кожу, мяли овчину. Подростки чистили сбрую, бляхи чепраков, латунные стремяна, бронзовые кольца. Какие седла выносили из юрт, как круто были изогнуты луки, как блестяло на них серебро! Женщины чинили мужьям, мазали жиром и сметаной ремни, сапоги-гутулы с загнутыми вверх носками. В два или три пальца были подошвы на гутулах старейшин родов! Девочки клали в сумы еду и кумыс. В юртах на треногах бурлили котлы. К подножью Каменных Высот пастухи вели белого жеребца, быка овец на заклание. Там горели костры и камлал, звеня железными подвесками и колотя в бубен-хэсэ, старый шаман. Поскольку не было несчастья, а событие предстояло радостное, шаман был спокоен и не неистовствовал.

Тайга замерла, оцепенев, в ожидании.

Тысяча всадников в лисьих малхаях и овчинных шубах потянулись мимо огромных скал, шумящих и не замерзающих водопадов из расселин, за перевалы Каменных Высот. За спиной каждого торчал колчан со стрелами, к седлу был приторочен лук в налучнике, на боку висела кривая сабля, у многих были копья. Морозный и искристый воздух переливался под лучами солнца и оттенял контуры гор и сопок, поросшим лесом, длинную вереницу всадников на белом снегу.

Перед закатом солнца тысяча дошла до костров, разожженных гонцами, Бабжи-Барас разделил всадников на два крыла, расставил боевые порядки. Охотники, ведомые газарши, обложили огромное пространство тайги.

Рано утром кольцо начало сжиматься.

Тайга ожила и зашумела. Посыпался с деревьев снег, с карканьем закружили вороны, затрещали сороки, замелькали лисьи малхаи охотников и шкуры настоящих лис, заржали кони, то тут то там на миг показывались животные, раздались крики сотен облавщиков. Стон и рев разнесся по округе. Тайга начала задыхаться!

В полдень все смешалось – волки, лисы, рыси, кабаны, лоси, изюбри, косули, зайцы... Перед грозной и неумолимой опасностью все позабыли о голоде и вражде. Тайга заметалась, завyla и заскулила, оцетинилась и приготовилась к последней схватке.

– Молодняк и маток не стрелять!

– На выбор! На выбор! – кричали всадники, натягивая луки. Замелькали между деревьями серые, бурые, золотистые шкуры, засвистели, буравя морозный воздух, стрелы. Животные и звери перескакивали через буреломы и валежники, скользили по льду и проваливались в речушки, спотыкались в камнях. Падали убитые и раненные. Белый и мягкий снег окрасился горячей и дымной кровью. Тайна запарила в кольце. Первыми бросились на людей и крупы коней оскаленные волки, потом, наклонив острые раскидистые рога, рванулись напролом изю-

¹⁹ Тобши, газарши – ведущие, люди, отвечающие за порядок во время облавной охоты.

²⁰ Уленши – мастерская, которая была в распоряжении шамана.

бри, визжа и хрюкая, бешено мчались на всадников кабаны. Заржали испуганные лошади, несколько всадников упали под копыта и клыки. Тайга обезумела и остервенело огрызалась!

Из туш убитых и раненных зверей торчало по несколько стрел. Страшное кольцо неумолимо сживалось. Наконец, облава замкнулась, и в диком реве началось ужасное побоище...

Далеко, у подножия гор и сопок, горели костры, туда должны были сносить добычу. Люди у костров, приставляя козырьком ладони к глазам, видели, как прорвавшиеся через кольцо звери летели вдаль по девственному снегу. С десятков стариков, весело переговариваясь, складывали отдельно волков, лис и пушных зверьков. Другие тут же освеживали их, снимали шкуры и любовались драгоценным мехом.

– Сколько шелка и железа дали бы мне китайцы за этих лис! – восклицал сгорбленный старик в корсачем малахае, дуя на золотистый мех. Многие несли из родников воду, заливали в котлы, разделявали туши и варили мясо. Плотный запах крови, жира и варенного мяса щекотал ноздри. Все вокруг таяло и парило.

Охотники дальше и дальше продвигались в тайгу, к намеченному газарши центру. Но вдруг раздался дикий и страшный рев, из тайги дохнуло ужасом! Никто и никогда из всадников не слышал такого рева. Все отпрянуло назад. На поляну выскочил огромный полосатый зверь с желтыми и черными отливами. На мгновение зверь присел, сжимаясь в тугую пружину, и прыгнул на ближайшего всадника. Человек рухнул вместе с заржавшим конем.

– Полосатая собака! Полосатая собака! – испуганно закричали в парнике люди, но ужасный зверь рвал в клочья уже второго человека. От страха у людей ослабли руки и ноги, забыв про оружие, они ринулись назад. Зверь в ревом бросился за ними и вдруг, споткнувшись, перевернулся и, утробно рыча, затих, пораженный стрелой в желто-черную голову.

– Бабжи-Барас убил полосатую собаку! – закричали, опомнившись, охотники, но никто из них не двинулся дальше в притихшую тайгу. Солнце, между тем, клонилось к закату.

– Хватит! – крикнул Бабжи-Барас, подходя к страшному полосатому зверю. – Дичи всем хватит, мы запасли много. Если убьем больше, шаманы будут недовольны! Собирайте и несите добычу вниз. Облава закончилась.

Неся на жердях добычу, уставшие охотники потянулись из тайги на равнину. Бабжи-Барас подъехал к табору и принялся жадно утолять голод жирными сердцами и ребрами разных животных. К нему присоединились Хонтоли, сотники и десятники. Множество людей суетились у костров на снежной равнине, пожирали мясо и оживленно переговаривались о прошедшей облаве.

– Не вижу Тантяны, где он? – вдруг спросил Бабжи-Барас, отирая руки о прочные кожаные штаны, лоснившиеся от жира.

– Тантяна нашел берлогу медведя и обложил с тремя десятками людей. Должно быть, поздно подъедет, – сказал один из сотников, смачно обгрызая седо изюбря. Вокруг чавкали, урчали, отрыгали. Шло великое насыщение.

– Он что, не слышал сигнальных стрел и барабанов? Облава закончилась, – проворчал Бабжи-Барас. – Голодным хочет остаться... Ладно, готовьте ночлег, утром двинемся в курень.

– Какая красивая шкура! Эти полосатые собаки иногда забредают к нам из-за Ургэна, – говорил один из стариков.

– Шкуру отдадут хатан или возьмет Барас, – продолжал второй.

Бабжи-Барас подзвал их к себе и что-то прошептал, улыбаясь. Старики удивленно уставили на военачальника, потом согласно закивали головам. Красный шар солнца наполовину осел в тайгу, и снег на равнине стал розовым, когда в розовых лучах появились люди. Они несли убитого медведя. Впереди, на вороном жеребце, ехал Тантяна. Когда он приблизился к братьям, Бабжи-Барас рассмеялся:

– Мы все съели, ты остался голодным. Где ты был? Да, тут, кажется есть жирный хошхонок.²¹ Держи!

Голодный Тантяна молча разрезал острым ножом жирный хошхонок на куски и принялся уплетать. Когда он закончил и утер побелевшие от застывшего жира губы, Бабжи-Барас просил:

– Вкусный хошхонок, Тантяна?.. Ты... ты проглотил хошхонок полосатой собаки, теперь ты сильнее его! – И, захохотав, Бабжи-Барас чуть не упал в снег, за ним внезапно захохотал Хонтоли, потом спохватились сотники, весть полетела от костра к костру, и вскоре вся равнина заливалась хохотом.

– А хошхонок был вкусным, ахэ! – проговорил ошеломленный Тантяна, и вдруг, закрыв рот руками, отбежал от костра. Его вырвало. Отдышавшись и утерев губы, Тантяна упрямо повторил:

– Ахэ, хошхонок был вкусным!

– Ладно, ладно... Вперед не отставай от своих, – похлопал по плечу брата Бабжи-Барас. Темнело, охотники несли к кострам валежник.

Рано утром Бабжи-Бараса растолкал встрепвоженный Хонтли.

– Ахэ, дозорные слушали землю Кто-то скачет.

Было холодно!, вокруг чадили костры, поодаль стояли заиндеветшие кони. И вдруг тишину взорвали громкие крики:

– Бальжинг-хатан убивают! Они убьют Бальжин-хатан! Убью-юют...²²

– На курень напали солонгуты... Они убью-юют хатан...

Забряцало оружие, узды. Люди стали быстро седлать коней. Кричали прискакавшие – дозорный и двое гонцов из куреня.

– Бабжи, на курень напали солонгуты. Три сотни не могт их сдержать! – прокричал первый гонец, подскакивая к Бабжи-Барасу, – тысяча Мажи-хана обложила курень!

Воины были уже в седлах, кони в нетерпении гарцевали. Бабжи-Барас крикнул, взлетая в седло подведенного гнедого коня:

– Сотня Жаргала остается здесь. Остальные – за мной!

Взвились и хлестнули по лицам жесткие гривы, вздрогнула степь под тысячами копыт, поднялась снежная летящая пыль... За три харана от куреня воины привычно разбились на два крыла и стали накатываться лавой, сгибавшую в клинок молодого месяца. Ветер нес ключья дыма и запахи горелой кошмы.

Курень горел. Раздавались крики и вопли людей, мычание коров, дико ржали кони. Многие юрты были смяты и опрокинуты. Дым стлался над землей и поднимался к синеющему небу. Вдали, за сопками, клубились снежные облака...

– Бабжи-ахэ, пощадите. Я не виноват. Нас было мало, совсем мало! – клялся в юрте молодой сотник Баир, оставленный с двумя сотнями в курене. – Они пришли за Бальжин-хатан. Кто-то им передал, что все на охоте... Наш шаман не смог вызвать на врагов злых духов!

– Оставь в покое бедного шамана!.. Сколько воинов ты потерял? – тихо спросил Бабжи-Барас.

– Около шести десятков. Остальные в погоне. Я сразу отправил за вами гонцов. Но солонгуты, как только захватили Бальжин-хатан, отступили! – Тонкие черты лица воина закаменели.

– Они убили ее?

– Да... Отрубили ей голову, – поник молодой начальник. – Пощадите, Бабжи-ахэ. Клянись, небом, мы не виноваты!

²¹ Хошхонок – вывернутая, очищенная и сваренная прямая кишка животного.

²² Монгольское звучание глагола “убьют” – алаха. Отсюда – Алханай. Это одна из версий возникновения названия горы.

– Отправь самых быстрых гонцов и верни посланных в погоню. Они могут попасть в засаду! – быстро проговорил Бабжи-Барас, снимая тяжелую меховую шубу.

Когда воин вернулся в юрту, Бабжи-Барас положил ему на плечо и опалил горячим взглядом потемневших рысских глаз.

– Никто не виноват, Баир, но стрелу позора я сломаю наю твоей головой. Ты еще молод, впереди у тебя много схваток. Если ты не останешься волком, как прародитель всех монголов, то станешь собакой или бараном. Помни об этой стреле до самой смерти.

– Я устал быть волком, – тихо прошептал воин, вздрогнув. Он обнажил голову и встал на колени у горящего очага. Бабжи-Барас вытащил из его колчана стрелу и с треском сломал ее над головой воина. Бросив обломки в очаг, он быстро вышел из юрты.

Люди тушили огонь, ставили юрты, собирали разбежавшийся скот... Станный этот Баир. “Я устал быть волком!” Он храбро сражался с хамниганами, они наполнили их телами ложбины у Нэршу-гола. Но люди говорили, что Баир охотно встречается с хамниганами и даже охотится с ними. Устал... Попробовал бы он ходить в походы в большом войске хана! Большую стаю наемников Мажи-хана отправил свекр хатан, солонгутский хан Бубэй бэйли. Наемникам нужна была только хатан. Или ее голова. Интересно, сколько Бубэй бэйли заплатит за эту голову Мажи-хану и его стае?

Все хотят вернуть хори-тумэтов обратно, в Халху. В Халхе не кончаются войны волков, там много стай! Говорят, в старину стаи тоже нападали друг на друга, пока Чингисхан, перебив непокорных, не собрал всех в одну огромную стаю. Он не любил гордых, которые своим непокорством приносят беду всему живому, а потому не пожалел даже собственного брата! Наверное в государстве великого Чингиса была порядок, и никто не убивал друг друга...

Все рухнуло после смерти Даян-хана,²³ огромная стая снова разбилась на маленькие стаи. Некого стало грабить вдали от родины – нажились друг на друга. Правильно говорил старый шаман Бургэт о том, что сила связывает и не дает человеку счастья и в конце концов убивает его... В Ара-Халхе жили предки хори-тумэтов, на берегах Онона родился Чингисхан. Здесь нет волчьих стай, кроме их самих. Наверное, теперь будут охотиться за его головой. Как теперь жить без хатан? Кто будет править хори-тумэтами?

– Наверное, во мне течет старая кровь, и я тоже устал быть волком... Зачем надо было отцу и сыну ругаться из-за хатан? Мужчинам не стоило бы ссориться из-за баб. Это недостойно и опасно! – печально прошептал Бабжи-Барас, смотря на трупы убитых воинов, которые ровными рядами были положены на кошму. Мягкие снежинки падали на их скуластые лица и не таяли...

3. ПЛОХИЕ ВЕСТИ. КОСТРЫ В СТЕПИ.

Дули ветры, воздух наливался влажными запахами ветоши и хвои, туманно дымились дали. По степи носилась соловая лошадь без седока, на гриве и сползавшем седле запеклась кровь, она призывно ржала и волочила за собой повода.

Лошадь остановилась у береги реки и, осторожно ступая тонкими ногами на серый ноздреватый лед, начала переходить. Она отпрянула назад, когда до берега оставалось совсем немного: лед под ней треснул и провалился. Хлынула, зашумев, холодная темная вода. Обезумевшая лошадь отчаянно пыталась выпрыгнуть, вместе с льдинами, с ржанием и шумом, окуналась в запенившуюся воду, иногда голова ее на мгновение уходила под воду и снова взмывала вверх. Вдруг она отчаянно рванулась всем телом вперед, выпрыгнула из воды, и толстый

²³ Даян-хан, Баты Мунко-хан – последний хан, который на короткое время сумел объединить монгольские племена, вновь наладить дипломатические и торговые связи с Китаем, Тибетом и другими странами. Все попытки последующих ханов были напрасными. Тогда Алтан-хан обратился к буддизму, который и усмирил монголов. Цивилизованный Китай, веками защищавшийся от соседей – язычников-варваров, всячески пытался привить им основы религиозности, посылая учителей-лам.

лед у берега выдержал... Сбивая ноги, израненная лошадь выбралась на землю и, отфыркиваясь, шумно встряхивая всем телом, ликующе заржала. Солнце заливало реку и степь теплом и сиянием, а в тальниках, покрытых бледным налетом зелени, неумолчно щебетали птицы, на пригорках синели первые подснежники.

На Ононе буйствовала весна!

– Ахэ, плохие вести! – встревоженно выпалил Хонтоли, входя в юрту, даже не поприветствовав и не сняв саблю. Полог круглого свода юрты был полуоткиннут, в треножнике тлеет под сизым пеплом аргал, дым поднимался к голубевшему между крестовинами свода небу. Бабжи-Барас сидел на мягких изюбриных шкурах, накинув на плечи плотную черную субу.²⁴

– Шесть лет после убийства хатан не было плохих вестей... Что случилось? – проворчал он, пододвигая к брату тэбшэ с холодным мясом. Раскосые черные глаза на крупном продолговатом лице вопросительно взглянули на вошедшего. Тот уклонился от взгляда и тихо сказал:

– Старый разбойник Дошхон собрал семь десятков лихих людей и перебил наших, ходивших в набег... Я виноват, ахэ!

– Всех! – привстал Бабжи-Барас.

– Всех! Наши гнали от Хухэ Ула три косяка лошадей, отбив у баргутов. Дошхон обложил их во время ночевки. Прибежала только соловая лошадь Мэргэна...

– Да, Мэргэн был храбрым воином. И соловая у него была умница, – задумчиво, как бы оцепенев, проговорил Бабжи-Барас и вдруг, взорвавшись выстрелом, страшно ударил могучим кулаком в лицо брата. Треснул коротконогий столик, звякнули наплечники и сабля. Хонтоли рухнул возле горевшего очага.

– Сколько раз я тебе говорил – меньше сотни нельзя отправлять в набег! Два десятка мужчин потеряли из-за твоей глупой башки! Нет, это не Дошхон, которого ты до сих пор убить не можешь, устроил засаду! В твоей глупой и надменной башке засада! – кричал Бабжи-Барас, лицо его побурело и исказилось от гнева, зеленоватые глаза полыхали желтым огнем, он потрясал сжатými кулаками над головой брата.

– Ахэ, пощадите! – поднял руку Хонтоли, из ушей иноса его текла кровь. Он вдруг потрянул большой головой и встал на колени.

– Убейте меня, ахэ!

Воин у входа насторожился. Люди в курене начали прислушиваться. Потом встревожились и зашумели. В большой юрте раздавались крики братьев.

– Отойдите все! – закричал перепуганный стражник, беря наперевес копья и испуганно оглядываясь... Мужчины и женщины остановились, потом неохотно разбрелись по юртам.

– Что еще? – гневным шепотом спросил Бабжи-Барас.

– Ахэ! Наши с того берега сообщают, что тумэтский хан отправил из Хухэ Хото тумэн воинов. К началу лета тумэты будут в Онона! Они побили даже маньчжурского тайцзуна! А чахарский Лыгдэн-хан собрал три тумэна воинов, но тумэты разбили их!

²⁴ Суба – шерстяная накидка, бурка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.